

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-11-28>
УДК [947.08:314](574)

Русское население Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века: формирование и хозяйствственный облик

Г.Н. Есеева

Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова
г. Уральск, Республика Казахстан
eseeva70@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются процессы формирования русского населения в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века. На фоне современных процессов этнокультурного взаимодействия актуальным становится изучение формирования русского населения в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века как важного этапа в истории региона.

Материалы и методы. В качестве источников использованы дореволюционные статистические материалы, архивные документы, а также издания, предназначенные для переселенцев. Применен историко-демографический и социокультурный подходы, что позволило охватить как количественные, так и качественные аспекты изучаемого явления.

Результаты исследования. В результате анализа выявлены ключевые социально-этнические группы – казачество, переселенцы, иногородние – и особенности их взаимодействия в Уральской и Тургайской областях. Прослежены демографические изменения, динамика численности и структура русского населения.

Обсуждение и заключение. Обсуждаются факторы миграции, роль государственной политики переселения, а также особенности хозяйственной адаптации: освоение земель, развитие сельского хозяйства, ремесел и интеграции в экономическую систему региона. Особое внимание уделено хозяйственному укладу казаков и повседневной жизни первых переселенцев. В заключение подчеркивается, что исследование дает целостное представление о процессе этнического формирования и социально-экономической интеграции русского населения в Западном Казахстане в дореволюционный период.

Ключевые слова: русское население, казачество, переселенцы, иногородние, Западный Казахстан, демография, хозяйственная адаптация, этнические процессы, конец XIX века, начало XX века

Для цитирования: Есеева Г.Н. Русское население Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века: формирование и хозяйственный облик. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4):11–28. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-11-28>

The Russian population of the Western Kazakhstan in the late 19th – early 20th centuries: formation and economic profile

G.N. Eseeva

M. Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, the Republic of Kazakhstan
eseeva70@mail.ru

Abstract. Introduction. The article examines the formation of the Russian population in the Western Kazakhstan in the late 19th and early 20th centuries. Studying the formation of the Russian population in the Western Kazakhstan in the late 19th and early 20th centuries as an important stage in the history of the region is relevant in the conditions of contemporary ethnocultural interactions.

The materials and methods. Pre-revolutionary statistical data, archival documents, and publications intended for migrants were used as sources. Historical, demographic, and sociocultural approaches were applied, allowing for the study to encompass both quantitative and qualitative aspects of the investigated phenomenon.

The research results. Key socio-ethnic groups, namely the Cossacks, migrants, and non-residents, and the characteristics of their interactions in the Ural and Turgay regions have been analyzed. Demographic changes, population dynamics, and the structure of the Russian population have been examined.

Discussion and Conclusion. Migration factors, the role of state resettlement policy, and the specifics of economic adaptation, including land development, agricultural development, crafts, and integration into the regional economic system, have been discussed. Particular attention has been paid to the Cossack economic structure and the daily lives of the first settlers. The conclusion emphasizes that the study provides a comprehensive understanding of the process of ethnic formation and socioeconomic integration of the Russian population in the Western Kazakhstan in the pre-revolutionary period.

Keywords: the Russian population, the Cossacks, settlers, non-residents, the Western Kazakhstan, demography, economic adaptation, ethnic processes, late 19th century, early 20th century

For citation: Eseeva G.N. The Russian population of Western Kazakhstan in the late 19th – early 20th centuries: formation and economic profile. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2025; 17(4):11–28. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-11-28>

Введение. Формирование русской этнической группы в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века представляет собой значимый историко-демографический процесс, оказавший влияние на социальную структуру региона, этноконфессиональный ландшафт и межкультурные взаимодействия. Этот период характеризуется активной миграционной политикой Российской империи, направленной на освоение и заселение приграничных

территорий, а также аграрными преобразованиями, обусловленными внутренними социально-экономическими трудностями.

Современный Западный Казахстан охватывает территорию Актюбинской, Атырауской, Мангистауской и Западно-Казахстанской областей. Выгодное географическое положение региона на пересечении степных и прикаспийских зон, а также наличие значительных природных ресурсов обусловили его стратегическое

значение в социально-экономическом и культурно-историческом развитии Казахстана. В указанный исторический период Западный Казахстан выполнял важную функцию «буферной» зоны между оседло-земледельческими территориями Российской империи и кочевыми землями Казахской степи.

Русское население края формировалось за счет различных социальных групп: казачества, государственных переселенцев, иногородних. Эти категории имели различный правовой статус, экономическое положение и уровень включенности в местные хозяйствственные и социокультурные процессы. Особенно значимой была роль казачества – военно-служилого сословия, обладавшего как военной, так и административной функцией на приграничных территориях. Оно являлось не только силовым инструментом имперской власти, активно участвовавшим в сельскохозяйственном освоении края.

Истоки присутствия русских на данной территории восходят к 70–80-м годам XVI века, когда на берегах реки Яик (ныне Урал) обосновались беглые выходцы из русских земель, сформировавшие казачьи вольницы. Именно с этого времени начинается история Яицкого казачьего войска, которое стало первым ядром русской общности в регионе. Со временем численность казачества увеличивалась, формируя полигэтничную социальную группу, сыгравшую ключевую роль в трансформации демографического и культурного пространства края. С усилением переселенческого движения в рамках столыпинской аграрной реформы усилились процессы социальной дифференциации и интеграции русских в сложную этноконфессиональную структуру региона.

Несмотря на значимость данной тематики, вопросы формирования и адаптации русского населения в Западном Казахстане в обозначенный период до настоящего времени остаются недостаточно изученными. В современной историографии

преобладают работы, посвященные либо общим вопросам переселенческой политики Российской империи, либо истории казачества, тогда как комплексное исследование взаимодействия разных категорий русских поселенцев в региональном контексте требует дальнейшей разработки. Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью восполнить этот пробел и дать целостное представление о структуре, динамике и особенностях жизнедеятельности русской общности в Западном Казахстане в дореволюционный период.

Цель настоящего исследования – проанализировать особенности формирования русского населения в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века, выявить его состав, факторы миграции и характер хозяйственной адаптации. В центре внимания находятся демографическая динамика, социальная структура русской общности и формы ее включения в экономическую жизнь региона.

Для достижения поставленной цели предполагается рассмотреть взаимодействие различных групп русских поселенцев в многоэтничной среде, определить роль казачества в административно-хозяйственной системе края и проанализировать дореволюционные источники, отражающие процессы адаптации и обустройства на новых землях.

Обзор литературы. Проблема формирования русского населения Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века находила отражение в трудах дореволюционных, советских и современных исследователей. В дореволюционной литературе (Карпов А.Б., Витевский В.Н., Бородин Н.А., Огановский Н.П.) преобладает позитивистский, описательный подход, ориентированный преимущественно на систематизацию статистических данных о переселении, характеристику казачьего сословия, освоение земель и развитие хозяйства. Эти работы обладают высокой источниковой ценностью, так

как базируются на данных экспедиций, отчетах губернаторов, материалах земств и статистических комитетов.

В советский период к изучению вопросов колонизации и заселения приграничных территорий активно привлекались методы исторического материализма. Наряду с идеологически окрашенными трактовками (как правило, в ключе критики имперской политики), в исследованиях Герасимовой Э.И., Бекмахановой Н.Е. и др. представлена значительная фактологическая база, касающаяся социального состава переселенцев, изменения этнической структуры населения, хозяйственной деятельности русских поселенцев и роли казачества в регионе. Несмотря на идеологические ограничения того времени, именно в этот период была заложена основа для более детального изучения миграционных процессов в западных областях Казахстана.

В постсоветской историографии наблюдается смещение фокуса с политико-идеологических оценок на изучение региональной специфики, этносоциальной структуры и повседневной жизни различных категорий русского населения. В частности, в трудах Сдыкова М.Н., Абдирова М.Ж. рассматриваются вопросы социальной стратификации, адаптации русских переселенцев в полигэтнической среде, а также межэтнические контакты и конфликты. Особое внимание уделяется пересмотру прежних трактовок казачества – от имперского инструмента колонизации до устойчивой пограничной общности с особым укладом жизни. Исследования базируются как на статистике, так и на ранее недоступных архивных источниках, что позволяет существенно расширить эмпирическую базу изучения.

Тем не менее, несмотря на наличие значительного числа научных публикаций, отдельные аспекты проблемы остаются недостаточно освещенными. В частности, требуют дальнейшего изучения вопросы хозяйственной специализации русских поселенцев, их адаптации к местным

природно-климатическим условиям, специфика расселения по административным единицам региона, а также формы взаимодействия с другими этническими и религиозными группами региона. До сих пор ограниченным остается количество локальных исследований, посвященных конкретным поселкам, станицам, волостям, что существенно затрудняет реконструкцию повседневной жизни переселенцев.

Автор статьи опирается на комплекс современных и классических исследований, а также на широкий круг дореволюционных источников, включая официальную статистику, справочные издания, ведомственные отчеты и документы переселенческих учреждений.

Зарубежные исследования представлены на уровне теоретических концепций, разработанных в рамках исторической демографии и миграционных теорий (периферийная колонизация, этническая мобильность, адаптационные модели), которые используются в методологической основе настоящего исследования.

Таким образом, в рамках общей проблемы этнической и социальной истории приграничных территорий Российской империи рубежа XIX–XX вв. сохраняются нерешенные вопросы, требующие комплексного междисциплинарного анализа с опорой на эмпирические источники. Настоящая статья направлена на восполнение указанных лакун и на уточнение механизмов формирования русского населения в Западном Казахстане в исторической перспективе.

Материалы и методы. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем методы исторической науки, элементы социологии и демографии. Методологической основой послужили историко-генетический и историко-сравнительный методы, позволившие проследить эволюцию формирования русского населения в Западном Казахстане, а также выявить особенности расселения и хозяйственной адаптации различных

категорий, представленных в структуре русской этнической группы. Применение историко-генетического метода обеспечило возможность реконструкции динамики русского этноса во времени, а историко-сравнительный подход позволил выявить региональные различия в характере и формах миграции, хозяйственного освоения, правового положения и степени интеграции в многонациональную среду.

Отдельное внимание уделено элементам количественного анализа. Использовались данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, а также статистические обзоры Тургайской и Уральской областей за 1897–1915 годы. Эти источники позволили выявить численную динамику русского населения, особенности социально-демографической структуры, плотность расселения, хозяйственную специализацию. Для подтверждения количественных данных и анализа экономической активности русских поселенцев привлекались сведения из отчетов, материалов губернских и уездных статистических комитетов, справочников и ведомственных публикаций.

Качественный анализ проводился на основе контент-анализа описательных источников – краеведческих трудов, этнографических описаний и свидетельств современников (Карпов А.Б., Бородин Н.А., Огановский Н.П. и др.). Эти материалы позволили реконструировать повседневную жизнь переселенцев, их хозяйственно-бытовые практики, специфику землепользования, адаптационные стратегии и формы взаимодействия с коренным населением. Контент-анализ сочетался с критикой источников, что особенно важно при работе с дореволюционными описательными материалами, содержащими элементы субъективных оценок.

Значительное внимание было уделено анализу архивных материалов. Использовались фонды Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГАРК) – в частности, Ф. 318 и Ф. 25,

содержащие документы Переселенческого управления, местных административных органов, статистические и хозяйственные отчеты, материалы о землепользовании, переселении и последствиях голода. Изучены документы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО РФ), включая материалы о деятельности казачьих станиц, переселенческих участков и региональных властей. Анализ архивных дел позволил проследить конкретные практики хозяйственного освоения, юридические и административные аспекты положения русских переселенцев, их вовлеченность в экономическую и общественную жизнь региона.

Информационная база исследования является репрезентативной и позволяет проследить как общие тенденции в развитии региона, так и конкретные изменения в жизни отдельных групп населения в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века. Сочетание количественных и качественных методов анализа позволило добиться комплексного подхода к исследуемой теме и учесть множественность факторов, влияющих на формирование русского населения в полигетничной и социально изменчивой среде.

Результаты исследования.

Интеграция русского этноса в население Западного Казахстана в дореволюционный период происходила поэтапно, с различной степенью интенсивности и характером миграционных потоков. Наиболее активное и устойчивое заселение русскими территорий региона началось после официального вхождения его в состав Российской империи, однако отдельные случаи проникновения русских на эти земли фиксируются задолго до этого события.

Согласно данным, приведенным исследователем А.Б. Карповым, к 1632 году численность казаков на Яике достигала около 900 человек, при этом, как отмечает автор, почти все они были «великорусского происхождения», за исключением лишь четырех человек [1, с. 55].

Основу первых яицких казаков составляли представители неимущих и зависимых слоев русского общества – беглые крестьяне, холопы, стрельцы и другие. Их миграция в пограничные районы была вызвана усилением феодального гнета и слабым административным контролем центра над окраинами. Это создавало условия для свободного освоения новых земель. Переселенцы на Яике легко принимались в казачью общину и получали статус «вольных казаков». В сравнении с тяжелой жизнью в местах исхода, казачья служба казалась более свободной и привлекательной, что способствовало росту численности казачьего населения.

Активное увеличение численности казаков привлекло внимание российского правительства к яицкой общине. Так, в 1723 году по распоряжению властей была проведена первая официальная перепись, организованная полковником И. Захаровым. Это мероприятие стало важной вехой в истории яицкого казачества.

О ходе переписи сохранилось немало свидетельств, в частности, в трудах В.Н. Витевского. Он отмечал, что Захаров прибыл для выполнения поручения в сопровождении значительных военных сил – роты драгун (127 человек) и пехотного подразделения (182 человека), что указывает на серьезность намерений правительства. Жителям казачьей общины вручались специальные регистрационные листы, в которые вносились подробные сведения о каждом казаке – «сущая правда без утайки». Однако сама процедура была воспринята казаками крайне настороженно. До начала переписи бежало более 200 человек, еще 88 умерли в ходе ее проведения. По словам В.Н. Витевского, перепись вызвала среди казаков «сильное озлобление», что выразилось даже в попытке покушения на жизнь Захарова [2, с. 423]. Несмотря на сопротивление, перепись была доведена до конца, и ее результаты стали основой для последующей реорганизации яицкой казачьей общины. Форми-

рование постоянных казачьих укреплений в этом районе преследовало цель обеспечения безопасности торговых путей и защиты русских купцов от набегов со стороны хивинцев, бухарцев и кокандцев. Кроме того, казачьи поселения рассматривались правительством как стратегические опорные пункты для охраны юго-восточных рубежей Российской империи [3, с. 16].

В 1743 году было начато строительство Нижне-Яицкой укрепленной линии, положившее начало фортификационному освоению региона. К 1862 году численность уральского казачьего войска увеличилась до 82 тысяч человек, что свидетельствовало о его растущем значении в системе пограничной и внутренней безопасности Российской империи [4, с. 94].

Другим важным элементом социальной структуры региона, в рамках которого происходило формирование русской этнической группы, выступали иногородцы. Термином «иногородцы» обозначали лиц, проживавших на территории казачьего войска, но не принятых в число казаков. Несмотря на проживание в пределах войсковой территории, иногородцы не имели прав участвовать в управлении войском, не могли пользоваться природными ресурсами и, как правило, существовали за счет случайных заработков и мелких промыслов.

До середины XIX века численность иногородцев оставалась сравнительно незначительной. Ситуация изменилась после издания в 1860 году правительского указа, предоставившего им право на приобретение недвижимости и строительство жилья в городах войсковой зоны. Этот правовой шаг, наряду с объективной потребностью в развитии ремесел и торговли в связи с ростом численности населения, способствовал значительному увеличению числа иногородних. Если в 1723 году их насчитывалось всего 353 человека, а в 1803 году – 639, то к 1860 году численность иногородцев составила уже 5643 человека. К концу же XIX века их

количество возросло до 65 038 человек, и это только по официальным данным, отражающим пришлое население [5, с. 127].

Рост числа иногородних в пределах Яицкого казачьего войска отражал общие миграционные процессы второй половины XIX века. В условиях освоения приграничных территорий правительство стимулировало переселение русских, развитие ремесел и торговли, а также интеграцию различных этносов в экономику региона. Эти меры способствовали формированию многонационального населения и укреплению позиций русского этноса в Западном Казахстане.

Начиная со второй половины XIX века, этническая структура значительно расширилась за счет появления новой категории населения – русских переселенцев, прибывавших на территорию региона.

До второй половины XIX века переселение русских крестьян в Западный Казахстан было ограниченным и не оказывало заметного влияния на этническую структуру региона. После отмены крепостного права в 1861 году начались масштабные внутренние миграции: в поисках доступных земель крестьяне активно осваивали приграничные территории, включая Западный Казахстан. Массовое переселение стало важным фактором социально-экономических изменений и значительно повлияло на демографический состав края.

Согласно мнению Н.П. Огановского, переселенческое движение в Западный Казахстан можно разделить на несколько этапов, обусловленных социально-экономическими и политico-правовыми условиями.

Первый этап (до 1861 года) характеризуется ограниченным и эпизодическим переселением. Большинство крестьян находились в крепостной зависимости и не имели права на свободное передвижение, что сдерживало миграцию.

Второй этап (1861 – начало 1890-х годов) начинается после отмены крепостного права. Несмотря на формальное

освобождение, крестьяне оставались в условиях малоземелья и экономической зависимости. В этих условиях усилилось стихийное, часто нелегальное переселение на восточные и южные окраины империи, включая Западный Казахстан. Эти миграции происходили без государственного регулирования и сопровождались серьезными трудностями.

Третий этап (с 1891 по 1892 год) связан с принятием закона «О переселении и устройстве сельского населения» (1889). С этого момента переселенческое движение становится организованным: создаются переселенческие учреждения, вводятся льготы и меры поддержки. Государство активно продвигает политику заселения окраин, в том числе территорий Западного Казахстана [6, с. 171-173].

В конце XIX века характер переселенческого процесса на территории Западного Казахстана существенно изменился: он стал приобретать все более упорядоченные, правовые формы, регламентируемые государством. Прослеживается переход от единичных, малозначительных актов заселения к систематическому, организованному переселению крестьян, проходившему в рамках государственной миграционной политики.

Иллюстрацией перехода от стихийной миграции к организованному переселению служат данные об освоении территории Түргайской области. Согласно архивным сведениям, первый случай официально зафиксированного переселения крестьян в данной области относится к 1848 году, когда в Михайловском поселке поселились четыре крестьянские семьи. Однако вплоть до конца 1880-х годов активного прироста населения в этом населенном пункте не наблюдалось. В 1889 году в поселок прибыло еще пять семей, в общей сложности 66 человек из различных губерний Европейской части России – Рязанской, Харьковской, Тамбовской и Курской. Первоначально переселенцы арендовали около 500 десятин земли, по цене 10 ко-

пек за десятину. После принятия закона 1889 года, регулирующего переселение, переселенцы обратились с просьбой о передаче земли в «вечное владение», которая была удовлетворена в 1891 году. Каждой семье был выделен земельный надел общей площадью 1327 десятин. При этом условия аренды изменились: стоимость за десятину возросла до 42 копеек, а срок пользования землей установили на 12 лет. В начале 1890-х годов переселение продолжилось – в Михайловский поселок прибыло еще 12 семей из Тамбовской, Казанской, Самарской, Воронежской и Харьковской губерний [7, л. 2].

Ценные сведения о процессе переселения содержатся в мемуарах одного из первых поселенцев региона – В.И. Мощенского, который подробно описывает этапы освоения и обустройства территории поселения Ак-Тобе. По его воспоминаниям, первые переселенцы начали осваивать Ак-Тобе в 1878 году, когда здесь было построено восемь домов. Сам Мощенский прибыл в поселение в 1882 году, переселившись из Воронежской губернии. К 1890 году, согласно его мемуарам, численность переселенческого населения достигла 2343 человек, а в поселении насчитывалось 276 каменных и 53 деревянных жилых дома [8, с. 17, 22]. Масштабы строительства и рост населения в данном населенном пункте свидетельствуют о высоком уровне хозяйственной активности и серьезных намерениях поселенцев закрепиться на данной территории, а также о том, что переселение в регион представляло собой уже устойчивый и планомерный процесс.

Первый переселенческий поселок в другой части региона – Уральской области – был образован в Джиренкупинской волости в 1890 году. В 1893 году здесь проживало 11 семей, арендовавших землю у местных казахских хозяйств. Сначала прибывали преимущественно мужчины, стремившиеся сначала закрепиться на новой территории, обустроить быт и

лишь затем перевезти свои семьи. Первые переселенцы обратились к военному губернатору с просьбой о выделении им пахотной земли для постоянного землевладения. И хотя прошение было формально удовлетворено, оно сопровождалось условием последующего освобождения занятых участков. В 1895 году переселенцы повторно обратились с аналогичной просьбой, однако получили отказ. Тем не менее последующие события свидетельствуют о положительном разрешении этого вопроса: уже после 1896 года в Джиренкупинскую волость переселилось более 300 новых крестьянских семей, что указывает на расширение и легализацию процесса землевладения [9, с. 157-158].

К началу XX века численность крестьян-переселенцев в Уральской области достигала 4106 человек. Распределение переселенческого населения по административным единицам выглядело следующим образом: в Джиренкупинской волости проживало 2472 человека, в Шиповской – 847, в Никольской – 469, а в Чиликской – 318 человек. Основную часть переселенцев составляли выходцы из соседних губерний Российской империи. Так, большинство жителей Джиренкупинского переселенческого поселка до 1894 года проживали ранее в поселке «Бурунны» на территории Оренбургской губернии [6, с. 183, 186].

Помимо географической близости, на усиление миграционного потока в Уральскую область влияли и общезэкономические условия, сложившиеся в соседних регионах. Известно, что в конце XIX века в ряде центральных и восточных губерний Российской империи, включая Оренбургскую и Самарскую, наблюдались затяжные аграрные кризисы, вызванные неурожаями и ухудшением жизненных условий сельского населения. Это способствовало оттоку крестьян в более благоприятные для хозяйственной деятельности районы, в том числе на территорию Западного Казахстана.

Представленные данные свидетельствуют, что до крестьянской реформы 1861 года переселение русских крестьян в Западный Казахстан носило эпизодический характер. С середины XIX века оно приобретает более системный и массовый характер, однако развитие этого процесса в Тургайской и Уральской областях шло неравномерно. В Тургайской области ходатайства переселенцев о предоставлении земли чаще всего удовлетворялись, тогда как в Уральской области на первоначальном этапе власти нередко отказывали.

Сдержаненный подход в Уральской области объяснялся несколькими факторами. Во-первых, здесь ощущался относительный дефицит свободных земель по сравнению с более просторной Тургайской областью. Во-вторых, существенное влияние оказывало наличие казачьих земель: уральские казаки владели обширными общинными угодьями, которые не подлежали включению в государственный переселенческий фонд. Это существенно ограничивало возможности перераспределения земель в пользу крестьян-переселенцев.

На рубеже XIX – XX столетий переселенческое движение в Западный Казахстан значительно усилилось. Как отмечал Н.П. Огановский в «Историко-статистическом обзоре Уральской области», «...в настоящее время мы присутствуем при нарождении четвертой группы населения – русских крестьян – переселенцев, частью с разрешения начальства, частью самовольно переселившихся в киргизских пределах» [5, с. 123].

Переселение в этот период приобретает все более выраженный государственно-регулируемый характер. Законы от 6 июня 1904 года и 29 ноября 1906 года упорядочили систему льгот и выдачи так называемых «ходаческих свидетельств». При этом помочь предоставлялась лишь тем, кто заранее выбрал участок для проживания [10, с. 5-7].

Существенный импульс переселенческому движению придали аграрные ре-

формы П.А. Столыпина, в рамках которых переселенческая политика стала важным инструментом внутренней политики царского правительства. Переселение крестьян на новые земли осуществлялось при активной поддержке государства: переезд оплачивался из казны, предоставлялись ссуды и агрономическая помощь [11, с. 233]. Несмотря на ограниченные финансовые ресурсы, меры государственной поддержки были ощутимыми и способствовали росту миграции в малозаселенные регионы, включая Западный Казахстан.

Таким образом, русское население Западного Казахстана в дореволюционный период формировалось различными путями и включало разнородные по происхождению социально-этнические группы. В то же время само понятие «русское население» в тот период трактовалось шире, чем в современном понимании: оно часто охватывало всех выходцев из Российской империи, ассоциировавшихся с «русской землей». Подобная интерпретация отражена в архивных материалах, дореволюционных справочниках и публицистике, что объясняется доминирующей численностью этнических русских среди переселенцев.

Национальный состав Уральского казачьего войска постепенно расширялся за счет вступления в казачье сословие представителей других этнических групп – татар, калмыков и др. Однако русские продолжали составлять подавляющее большинство. Согласно данным Н.Е. Бекмахановой, за 1858–1862 годы численность русских в составе войска увеличилась с 65 869 до 70 337 человек. При этом их доля в общей этнической структуре оставалась неизменной – 86%. [12, с. 260]. Это свидетельствует о сохранении доминирующего положения русских в составе воинского населения, несмотря на рост численности представителей других народов.

На изменение этнической структуры Уральского казачьего войска во второй

половине XIX века указывал историк и этнограф Н. Бородин, занимавшийся изучением социального и национального состава казачества. Так, он отмечал, что в период с 1876 по 1885 год «племенной» состав Уральского казачьего войска изменился в сторону увеличения доли русских, достигшего, по его данным, к 1886 году 93%. Автор также отмечает снижение доли других этнических групп, что связывает с рядом административных и социокультурных процессов. Так, башкиры были официально переведены в разряд крестьян, утратив статус войскового населения. Каракалпаки, по словам Бородина, «почти все перевелись или обрусили окончательно» [13, с. 139].

Данные процессы указывают на тенденцию к этнической унификации казачьей среды, где доминирующее положение все более укреплялось за русскими. С одной стороны, происходили социальные изменения: представители отдельных этнических групп, таких как башкиры и татары, переводились в иные сословные категории, прежде всего в крестьянство, что автоматически исключало их из состава войска. С другой стороны, имели место процессы этнокультурной ассимиляции, в ходе которых часть малочисленных народов, проживавших на территории войсковой области, постепенно утрачивала свои языковые и культурные особенности, интегрируясь в русскую среду.

Этнический состав невойскового населения также характеризовался значительным разнообразием. Так, по данным на 1885 год, на 1000 иногородцев приходилось 759 русских, 127 татар и 108 казахов. Кроме этих основных групп, в меньшем количестве присутствовали поляки, немцы, евреи, башкиры и представители других национальностей. По словам автора, в последующие годы преобладание русских в составе иногородцев сохранялось, что отражало общую тенденцию этнической структуры региона в этот период [5, с. 154].

Эти данные подтверждаются и другими источниками. Например, в отчетах,

описывающих состояние Уральского казачьего войска на 1887 год, приведена информация о национальном составе иногородцев. Согласно этим материалам, среди них насчитывалось 26 800 русских, 5016 татар и 4674 казаха [14, л. 65].

Этническая структура крестьян-переселенцев в Западном Казахстане преимущественно формировалась за счет двух национальных групп – русских и украинцев. Анализ динамики численности русского населения в районах, где переселенческий процесс стал основным фактором его формирования, позволяет говорить о значительном преобладании русских в этой категории. Особенно ярко данная тенденция проявилась на территории Тургайской области. Так, по данным переписи 1897 года, в Актюбинском и Иргизском уездах проживало 4,1 тыс. русских, тогда как к 1915 году их численность возросла более чем в 13 раз и составляла уже 54,8 тыс. человек [15, с. 73].

Демографический рост русских в Западном Казахстане отражал не только масштабы переселенческого движения, но и закрепление этих групп на новых территориях. Это требовало адаптации к природным, хозяйственным и культурным условиям, что проявлялось в особенностях их быта, социальной организации и взаимодействии с местным населением.

Формирование русского этноса в регионе выражалось не только в численном увеличении, но и в постепенной интеграции в экономическую и общественную жизнь края. Различные группы переселенцев включались в хозяйственные процессы и систему межэтнических отношений. При этом внутри самой русской общности сохранялось различие между «казаками» и «переселенцами» – различие, имевшее как социальный, так и культурно-хозяйственный характер. Эти различия сохранялись вплоть до начала советского периода и во многом определяли роль русских групп в региональном развитии.

Одним из основных занятий казачества на начальных этапах их заселения было рыболовство. В период первичного освоения территории вдоль Яика (ныне река Урал) у казаков не было возможности заниматься иными видами хозяйственной деятельности. «Первые казаки были воинственные, они часто проводили время в походах», – отмечал А. Б. Карпов [1, с. 67]. Рыболовство велось практически круглый год и отличалось развитой системой.

Организация рыболовства у уральских казаков основывалась на общинных принципах: все члены войска имели равные права на вылов, а порядок лова строго регламентировался. Войсковые власти определяли не только места и сроки промысла, но и допустимые орудия лова. Некоторые виды промысла – такие как багренье и плавня – осуществлялись «ударом», то есть одновременно всеми казаками в установленные сроки. Для соблюдения правил и предотвращения незаконного лова осуществлялась охрана вод Яика и прилегающей части Каспийского моря [16, с. 66-74].

Рыболовство приносило весомый доход. Так, в 1887 году с территории войска было вывезено: красной рыбы – 123 379 пудов, черной – 1 265 890 пудов, икры – 1167 пудов. Общая прибыль от продажи рыбной продукции за тот год составила 1 411 224 рубля [14, л. 70].

К концу XIX века важную роль в хозяйственной жизни казачества начинает играть земледелие и скотоводство. Согласно данным подворной переписи Н. Бородина, в 1885 году на территории Уральского казачьего войска было засеяно 110 610 десятин. В среднем на один двор в поселках приходилось 4,5 десятины, а на хуторах – 36,2 десятины. По тем же данным, в хозяйствах казаков насчитывалось 106 968 лошадей, 142 896 голов крупного рогатого скота, 8419 верблюдов и 617 239 овец, коз и баранов [17, с. 51].

Разведение овец в условиях обширных пастбищ было особенно выгодным: скот,

как правило, приобретался у казахского населения, откармливался на войсковых землях, а затем реализовывался, преимущественно на рынке Самары. Расширение овцеводства было связано с ростом спроса на шерсть и сало в первой половине XIX века. Существенное значение сохраняло и коневодство. В 1880-х годах на территории войска действовали частные конные заводы, обеспечивавшие потребности в рабочих и верховых лошадях. Разведение крупного рогатого скота, а также верблюдов, во многом было связано с необходимостью в тягловой силе для нужд земледелия [16, с. 77].

Наряду с этим, казаки занимались пчеловодством и садоводством. В 1887 году в одном лишь Уральском уезде насчитывалось 1313 ульев и 45 пчеловодов, а объем реализованной продукции составил 1981 рубль. Садоводческих хозяйств было 250, из них 26 возникли в том же году [73, л. 71].

К концу XIX века основными направлениями хозяйственной деятельности казаков являлись земледелие, рыболовство и скотоводство. Доля казаков, занятых в торговле и ремесле, значительно сократилась. Во второй половине XIX века наблюдается отход от этих видов занятий: например, в Уральске в 1860 году насчитывалось более 200 ремесленников из числа казаков, а к 1899 году их осталось лишь 4 человека [5, с. 156]. В условиях увеличения числа казаков, занятых в сельском хозяйстве, этот факт свидетельствует о перераспределении трудовой занятости в сторону аграрного сектора.

Хозяйственный облик и социальный статус иногородних имели свои особенности и отличались от казачьего населения. Иногородние в основном были заняты в торговле и наемном труде. Согласно статистическим данным, в 1885 году на территории Уральского казачьего войска насчитывалось около 7000 семей иногородцев, из которых 2000 (28,5%) занимались торговлей. В качестве рабочих на

промышленных предприятиях числилось 863 человека. В ремесленном производстве Уральска по состоянию на 1899 год было задействовано 472 представителя данной категории населения. Н. Огановский указывал на явную тенденцию перераспределения экономических ролей: «Казаки, пользующиеся правами землепользования и рыболовства, бросают индустрию и переходят окончательно к сельским промыслам, тогда как иногородцы вытесняют их из сфер городских» [5, с. 156].

В отличие от казачьего населения и иногородних переселенцев с самого начала формировали земледельческие поселения. Их образ жизни и уровень материального благосостояния находились в прямой зависимости от освоения и обработки земли. Социально-бытовые аспекты существования переселенцев также отличались рядом специфических черт. Процесс их возвращения на новые территории сопровождался значительными трудностями. На этапе первоначального обустройства многим переселенцам приходилось проживать в палатках или даже ночевать под открытым небом [18, с. 15].

На начальном этапе главной задачей крестьян-переселенцев было обеспечение постоянным жильем. Согласно справочным изданиям, строительство даже простого дома представляло трудность для многих. Рядом с жильем выкапывались колодцы, возводились хозяйственные постройки; в первое время сараи заменялись навесами. Те, кто не успевал построиться, арендовали жилье у местных жителей. В таких случаях на зиму приезжали лишь трудоспособные члены семьи, а остальные – после окончания холодов. Для переезда предоставлялся льготный тариф.

Важнейшим оставался и вопрос продовольственного обеспечения. Средства, полученные от продажи имущества на родине, в основном тратились на обустройство и корм для скота. Поэтому запашка земли была необходима уже в первый сезон. Часть переселенцев нанималась к

местным жителям, которые предоставляли землю и рабочий скот: урожай делился поровну. Острой была проблема заготовки кормов; зажиточные семьи привозили сено с собой либо покупали его на месте. Как правило, основные трудности преодолевались в течение первых двух лет. К третьему году поселения приобретали устойчивый, благоустроенный облик. Учитывая религиозность переселенцев, важным становилось строительство культовых сооружений. Первоначально возводились саманные молитвенные дома, а позже, при наличии средств, – полноценные церкви. Финансирование осуществлялось за счет пожертвований, ссуд и государственной помощи [19, с. 31-35].

Обработка земли русскими крестьянами-переселенцами на начальном этапе заселения региона в значительной степени базировалась на арендных отношениях с коренным населением. Наиболее распространенными были два типа аренды. В первом случае земельные участки сдавались за денежную плату, размер которой варьировался от 50 копеек до 2 рублей за десятину. Во втором более распространенном варианте арендодатель предоставлял не только землю, но и рабочий скот, взамен получая, как правило, половину урожая, собранного арендатором. Отсутствие собственных земельных наделов затрудняло хозяйственное обустройство переселенцев, что нередко вынуждало их менять место аренды, переходя с одного участка на другой [20, с. 3].

Переселенческие поселки ежегодно пополнялись новыми семьями, что способствовало быстрому росту постоянного населения и обостряло потребность в развитии социальной и хозяйственной инфраструктуры. Переселенцы строили школы, открывали лавки и базары, формируя полноценную сельскую среду. В результате небольшие поселения за короткое время превращались в крупные деревни с устойчивой социальной и экономической структурой.

Развитие земледелия на переселенческих участках Тургайской области базировалось на выращивании традиционных зерновых и зернобобовых культур, среди которых преобладали пшеница, овес, просо, рожь и горох. В гораздо меньших объемах возделывались лен и чечевица. Основные аграрные работы осуществлялись при помощи сох, а те переселенцы, у которых имелись верблюды, использовали сабаны [21, л. 5].

Посевная кампания на переселенческих участках, как правило, начиналась в начале апреля и продолжалась до конца мая. Урожайность сельскохозяйственных культур в значительной степени зависела от того, насколько переселенцы были знакомы с природно-климатическими условиями степной зоны. Необходимую информацию можно было почерпнуть из специально издаваемых справочников для переселенцев или получить из устных рекомендаций местных старожилов.

Недостаточное понимание климатических особенностей региона нередко приводило к ошибкам в агротехнике. Так, частыми были случаи чрезмерно густого сева, что в условиях засушливого климата снижало урожайность: влаги оказывалось недостаточно для нормального роста растений. Осознание этих факторов побуждало переселенцев к серьезной подготовительной работе. Осенью производилась вспашка почвы с целью накопления и сохранения влаги. Некоторые хозяйства применяли дополнительные методы влагосбережения – например, высаживали по краям посевых участков подсолнечник или кукурузу, оставляя их стебли на зиму для задержания снега. Весной талая вода обеспечивала дополнительное увлажнение почвы и способствовала получению более стабильных урожаев [19, с. 20-21].

Что касается занятий переселенцев в Уральской области, до 1886 года на ее территории не существовало устойчивых крестьянских земледельческих поселений. Первые переселенцы сочетали земледелие

с торговлей и ремесленными промыслами. Активное развитие переселенческих деревень начинается только в первые годы XX века [22, с. 74].

Характер занятий переселенцев на раннем этапе их заселения в Уральской области можно проследить на основе подворного обследования переселенческих участков Джиренькупинской волости, проведенного в 1900 году. Согласно результатам обследования, в волости проживало 402 семьи, из которых 350 (87%) занимались земледелием. Торговлей занимались 34 семьи (8%), а 18 семей (5%) были заняты в различных ремесленных промыслах. По данным переписи, лишь 17 человек занимались исключительно торговлей. Среди земледельцев также встречалось значительное число кустарей и ремесленников: валяльщиков, стекольщиков, кровельщиков, пекарей и других специалистов [6, с. 188].

Огородничество также получило широкое распространение среди крестьян-переселенцев региона. Почти каждое русское переселенческое хозяйство располагало приусадебным участком, предназначенным для возделывания овощных культур. Наиболее крупные площади под бахчевые и огородные культуры традиционно размещались вблизи водоемов, что было связано с необходимостью ирригации. Для обеспечения полива использовались запруды и система оросительных каналов. Среди возделываемых культур наибольшее распространение получили картофель, капуста, огурцы, свекла, томаты, а также бахчевые – арбузы и дыни [19, с. 27].

Развитие земледелия в регионе сопровождалось рядом серьезных трудностей. Основными факторами риска выступали неурожай, засушливые периоды, массовое распространение грызунов и другие неблагоприятные природно-климатические условия, существенно осложнившие ведение сельского хозяйства переселенцами. В архивных источниках зафиксированы упоминания о различных бедствиях,

пережитых русскими переселенцами на территории Тургайской области.

Существенные трудности в хозяйственной деятельности русских переселенцев были вызваны двумя подряд неурожайными годами – 1889-м и 1890-м. Согласно архивным данным, из 23 416 десятин земли, засеянных хлебными культурами переселенцами Николаевского уезда Тургайской области, урожай был собран лишь с 2680 десятин земли. В результате продовольственного кризиса 16 444 человек из 28 611 переселенцев уезда оказались в числе нуждающихся. Пострадавшему населению была оказана помощь в виде выдачи продовольственных пайков и предоставления различных видов ссуд [23, л. 4-5].

Аналогичные кризисные явления наблюдались и в Уральской области, где неурожайные 1910–1911 годы негативно сказались на хозяйственном положении переселенцев. Особенно уязвимыми оказались семьи, прибывшие в 1909 году и не успевшие провести посевные работы. В течение двух лет крестьяне были вынуждены приобретать хлеб на рынке, что значительно ухудшило их материальное положение. Отсутствие в регионе промышленных предприятий существенно ограничивало возможности заработка. В результате многие переселенцы были вынуждены продавать скот и даже жилье. По данным подворного обследования 1910 года, из 6227 переселенческих семей, находившихся на участках, 183 не имели жилья, 2250 – сельскохозяйственного инвентаря, около 1000 – рабочего скота, а 775 семей не располагали скотом вовсе. К августу 1911 года остро нуждающимися были признаны 7336 из 7538 семей, что составляло 34 980 взрослых и 6439 детей в возрасте до пяти лет [24, с. 13-14].

В целях поддержки переселенцев, оказавшихся в тяжелых условиях, государством оказывалась существенная помощь в виде предоставления семян для посева и продовольствия. Общий объем ассигнований на продовольственную и семенную поддержку

населения, включая все категории пострадавших, составил в 1912 году 1 705 529 рублей из средств казны Российской империи. Одной из форм социальной поддержки стало привлечение крестьян к общественным работам, в рамках которых осуществлялись строительство, ремонт и охрана плотин на реках Урал и Чаган, а также обустройство колодцев и мостов [25, с. 16, 19].

Скотоводство занимало важное место в хозяйственной деятельности русских переселенцев, облегчая адаптацию к новым природно-климатическим условиям. На подворьях разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и свиней – преимущественно местных пород. Это объяснялось как ограниченными возможностями для перегонки скота с прежних мест, так и высокой стоимостью завозных, более продуктивных животных, доступных лишь немногим хозяйствам.

Формы содержания скота часто заимствовались у местного населения, уже адаптированного к условиям региона. Основная часть животноводческой продукции использовалась для собственных нужд, а излишки реализовывались на местных рынках. С начала XX века в переселенческих селениях стали появляться маслодельные артели, продукция которых, в частности сливочное масло, успешно продавалась и приносила дополнительный доход. Торговля скотом велась преимущественно на сезонных ярмарках, проводившихся весной и осенью. При продаже лошадей и другого скота от продавца требовалась справка от местных властей, подтверждающая законное происхождение животного и исключающая возможность кражи [19, с. 24].

Развитие ремесленного производства среди переселенческого населения оставалось на сравнительно низком уровне. Согласно данным «Обзора Уральской области» за 1915 год, в данной сфере было занято лишь 666 человек. Наибольшее количество ремесленников составляли плотники (152 человека), слесари и кузнецы (150), сапожники (127) и портные (108).

Несколько меньшей численностью отличались столяры и каменщики (71 человек). Также были представлены чулочники (16 человек), валенокаты (11), шорники (8) и маляры (5). Редкими профессиями среди переселенцев являлись горшечники, колесники, стекольщики, черепичники и печники – по одному представителю каждой специальности [26, с. 69-70].

Определение структуры занятости русского населения в дореволюционный период представляет значительные затруднения. Хозяйственный уклад большинства переселенцев имел комплексный, многоотраслевой характер, что затрудняет выделение приоритетных сфер деятельности.

Рассмотрим структуру занятости русского населения Уральской области по данным переписи 1897 года, где русские составляли наиболее значительную этническую группу. Всего в различных сферах хозяйства было занято 45 874 человека, что составляло 28,5% от общего числа русского населения региона. Наибольшее число занятых приходилось на земледелие – 17 017 человек. Значительная доля – 14,4% – была занята рыболовством и охотой. В торговле работало 2913 человек, из которых подавляющее большинство (около 70%) специализировались на продаже сельскохозяйственной продукции. Другие направления торговли были представлены продажей тканей, одежды, а также питейной торговлей, в то время как торговля мехами, строительными материалами и предметами роскоши была менее распространена. В животноводстве числилось 759 занятых, а среди ремесленных профессий наиболее многочисленными были работники швейного дела (1698 человек) и строительных специальностей (1273 человека). Промышленный сектор области находился на начальном этапе развития: всего в обрабатывающей промышленности трудилось 1496 человек, а в химической и полиграфической – 91 человек. Извозный промысел обеспечивал занятость 470 человек, включая 12 женщин. В администра-

тивных и общественных учреждениях работали 677 русских жителей [27, с. 84-108].

В Тургайской области, где ключевым фактором формирования этноса выступала крестьянская колонизация, наибольшая доля занятости русского населения приходилась на земледелие. Основным видом хозяйственной деятельности переселенцев было хлебопашество, которое составляло фундамент их экономического уклада. По данным переписи 1897 года, в Актюбинском уезде насчитывалось 1628 занятых русских, из которых 1270 человек (78%) были заняты в земледелии. Занятость в других отраслях производства была незначительной [28, с. 82–85].

Обсуждение и заключение. Анализ демографических, экономических и культурных данных свидетельствует о том, что русское население в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века выступало не только важной количественной, но и качественной составляющей многонациональной среды региона. Русские, включая казаков, иногородних и переселенцев, образовывали устойчивые этносоциальные группы, активно участвовавшие в трансформации хозяйственного уклада края, особенно в процессе перехода от кочевого к оседлому типу землепользования.

На основе сопоставления архивных и статистических источников (включая данные Первой всеобщей переписи населения 1897 года, материалы Переселенческого управления, обзоры Тургайской и Уральской областей) выявляется неравномерность расселения русских поселенцев. Особую роль играло казачество, обладавшее правом на землю и собственными структурами самоуправления, что способствовало закреплению русских в регионе.

Результаты также демонстрируют сложность межэтнического взаимодействия. С одной стороны, фиксируются случаи культурной адаптации, заимствования хозяйственных практик и форм быта. С другой – устойчивость этнических различий, выражавшаяся в особом стату-

се казачества и в сохранении русскими переселенцами традиционных форм религиозности, семейных структур и образовательных установок. В сельских и казачьих общинах формировалась социальная среда, поддерживавшая русскую этнокультурную идентичность.

Хозяйственная деятельность русских была ориентирована на развитие пашенного земледелия, мелкого товарного животноводства, ремесленного производства и торговли. Вместе с тем различия между «старожилами» (казаками) и «новыми» переселенцами обуславливали неоднородность адаптационных стратегий. Это подтверждает вывод о многогословности и внутренней дифференциации русского населения региона.

Таким образом, полученные результаты подчеркивают значимость русского этноса в процессах экономической и культурной трансформации Западного Казахстана, а также сложность его включения в полигэтническую среду, что определялось как

фактором государственной политики, так и механизмами локального взаимодействия между этническими группами.

Исследование показало, что русское население играло важную роль в демографическом, социально-экономическом и культурном развитии Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века. В условиях полигэтнической среды русские, включая казачество, иногородних и переселенцев, сформировали устойчивые общины, внесшие значительный вклад в освоение региона, развитие земледелия, торговли и местного самоуправления. При этом русская этнокультурная идентичность сохранялась благодаря религиозным, языковым и социальным традициям, несмотря на активные контакты с другими этносами. Итоги работы подчеркивают значимость межэтнического взаимодействия и внутренней дифференциации русского населения как факторов, определявших особенности его адаптации и интеграции в многонациональную среду региона.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911. 1011 с.
2. Витевский В.Н. Яицкое войско // Русский архив. 1879. Вып. 8. С. 377-428.
3. Елагин А. С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. Алматы: Казахстан, 1993. 80 с.
4. Абдиров М.Ж. Из истории военно-казачьей колонизации Казахстана (XVI – начало XX вв.): избранные труды: в 2 т. Т. 1. Алматы: Радуга, 2023. 272 с.
5. Огановский Н.П. Историко-статистический обзор Уральской области за 1904 год // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1904 год. Уральск, 1904. С. 110-211.
6. Огановский Н.П. Переселенческое дело в Уральской области // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900. С. 171-172.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 318, оп. 1, д. 18. Сведения о русских поселенцах среди киргизов Актюбинского уезда Тургайской области.
8. Мощенский В.И. История возникновения и развития города Актюбинска. Актобе, 1999. 273 с.
9. Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. Алматы, 2004. 405 с.
10. Переселение в Степной край в 1907 году: справочная книжка о переселении в Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области. СПб., 1907. Вып. 37. 168 с.
11. Россия в мировой истории / под ред. В.С. Порохни. Смоленск, 2003. 464 с.

12. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 280 с.
13. Бородин Н.А. Уральское казачье войско: статистическое описание: в 2 т. Т. 1. Уральск, 1891. 947 с.
14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО РФ). Ф. 164, оп. 1, д. 255. Статистический отчет о состоянии Уральского казачьего войска за 1887 год.
15. Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX веках. Алматы, 1996. 220 с.
16. Данилевский К., Рудницкий Е. Урало-Каспийский край (Уральская губерния и бывшие земли уральского казачьего войска и Уральская область). Уральск, 1927. 223 с.
17. Бородин Н.А. Уральское казачье войско: статистическое описание: в 2 т. Т. 2. Уральск, 1891. 71 с.
18. Переселение в Степной край в 1907 году: справочная книжка о переселении в Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области. СПб., 1907. Вып. 37. 168 с.
19. Описание Тургайской и Уральской областей. Петроград: Содружество, 1916. 51 с.
20. Обзор Тургайской области за 1897 год. Оренбург, 1898.
21. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 318, оп. 1, д. 18. Сведения о русских поселенцах среди киргизов Актюбинского уезда Тургайской области.
22. Герасимова Э.И. Уральск: исторический очерк (1613–1917). Алма-Ата, 1969. 215 с.
23. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 25, оп. 1, д. 4458. Дело о бедствии русских переселенцев в связи с неурожаем хлеба и трав и обеспечении продовольствием голодающего населения Николаевского уезда Тургайской области.
24. Обзор Уральской области за 1911 год. Уральск, 1912.
25. Обзор Уральской области за 1912 год. Уральск, 1913.
26. Обзор Уральской области за 1915 год. Уральск, 1916.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXXVIII. Уральская область / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: ЦСК МВД, 1904. 125 с.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXXVII. Тургайская область / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: ЦСК МВД, 1904. 103 с.

REFERENCES

1. Karpov, A.B. The Urals: A Historical Essay. Uralsk, 1911, 1011 p. [In Russ.]
2. Vitevsky, V.N. The Yaik Host. The Russian Archives, 1879, Issue 8. P. 377-428. [In Russ.]
3. Elagin, A.S. The Cossacks and Cossack Hosts in Kazakhstan. Almaty: Kazakhstan, 1993, 80 p. [In Russ.]
4. Abdirov, M.Zh. From the History of Military Cossack Colonization of Kazakhstan (16th–Early 20th Centuries): Selected Works: in 2 volumes. Vol. 1. Almaty: Raduga, 2023, 272 p. [In Russ.]
5. Oganovsky, N.P. Historical and statistical review of the Ural region for 1904 // Memorial book and address calendar of the Ural region for 1904. Uralsk, 1904. P. 110-211. [In Russ.]
6. Oganovsky, N. P. Migration affairs in the Ural region // Memorial book and address calendar of the Ural region for 1900. Uralsk, 1900. P. 171-172. [In Russ.]
7. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSARK). F. 318, op. 1, d. 18. Information on the Russian settlers among the Kyrgyz of the Aktobe district of the Turgai region. [In Russ.]
8. Moshchensky, V. I. History of the emergence and development of the city of Aktobe. Aktobe, 1999. 273 p. [In Russ.]
9. Sdykov, M. N. History of the Population of the Western Kazakhstan. Almaty, 2004. 405 p. [In Russ.]
10. Migration to the Steppe Region in 1907: a reference book on the migration to the Turgay, Ural, Akmola, and Semipalatinsk Regions. St. Petersburg, 1907. Issue 37. 168 p. [In Russ.]
11. Russia in the World History / edited by V.S. Porokhnya. Smolensk, 2003. 464 p. [In Russ.]

12. Bekmakhanova, N.E. Formation of the Multinational Population of Kazakhstan and the Northern Kyrgyzstan: Last Quarter of the 18th–1860s. Moscow: Nauka, 1980. 280 p. [In Russ.]
13. Borodin, N.A. The Ural Cossack Host: A Statistical Description: in 2 volumes. Vol. 1. Uralsk, 1891. 947 p. [In Russ.]
14. The State Archives of the Orenburg Region (SAOR RF). Fund 164, op. 1, d. 255. Statistical report on the state of the Ural Cossack Host for 1887.
15. Sdykov, M.N. Population Formation in the Western Kazakhstan in the 18th–19th Centuries. Almaty, 1996. 220 p.
16. Danilevsky, K., Rudnitsky, E. The Ural-Caspian Region (Ural Province and Former Lands of the Ural Cossack Host and the Ural Region). Uralsk, 1927. 223 p. [In Russ.]
17. Borodin, N.A. The Ural Cossack Host: A Statistical Description: in 2 volumes. Vol. 2. Uralsk, 1891. 71 p. [In Russ.]
18. Resettlement to the Steppe Region in 1907: a reference book on resettlement to the Turgay, Ural, Akmola, and Semipalatinsk Regions. St. Petersburg, 1907. Issue 37. 168 p. [In Russ.]
19. Description of the Turgay and Ural Regions. Petrograd: Sodruzhestvo, 1916. 51 p. [In Russ.]
20. Review of the Turgay Region for 1897. Orenburg, 1898. [In Russ.]
21. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSARK). Fund 318, op. 1, d. 18. Information on the Russian Settlers Among the Kyrgyz of the Aktobe District of the Turgay Region. [In Russ.]
22. Gerasimova E.I. Uralsk: a historical essay (1613–1917). Alma-Ata, 1969. 215 p. [In Russ.]
23. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSARK). Fund 25, op. 1, d. 4458. Case on the distress of the Russian settlers due to the failure of the grain and grass harvest and providing food to the starving population of the Nikolaevsky district of the Turgay region. [In Russ.]
24. Review of the Ural region for 1911. Uralsk, 1912. [In Russ.]
25. Review of the Ural region for 1912. Uralsk, 1913. [In Russ.]
26. Review of the Ural region for 1915. Uralsk, 1916. [In Russ.]
27. The First general census of the Russian Empire of 1897. Vol. LXXXVIII. The Ural region / ed. by N.A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 125 p. [In Russ.]
28. The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. Vol. LXXXVII. The Turgay Region / edited by N.A. Troinitsky. St. Petersburg: The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 103 p. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Гульнара Набиевна Есеева, старший преподаватель ОП «Социальные науки» факультета истории, экономики и права. Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова. Республика Казахстан, г. Уральск, ул. Сарайшық, 34, e-mail: eseeva70@mail.ru

Gulnara N. Eseeva, Senior Lecturer, Social Sciences Program, Faculty of History, Economics and Law. M. Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: eseeva70@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 21.09.2025

Received 21.09.2025

Поступила после рецензирования 29.10.2025

Revised 29.10.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Accepted 30.10.2025